

**ДИВЕРГЕНТНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОСОБОГО ПОДХОДА
ПЕРЕВОДЧИКА К ПЕРЕДАЧЕ СОДЕРЖАНИЯ ОРИГИНАЛА
(рассказ А. Грина «Акварель» в двух болгарских переводах)**

Эквивалентность располагается между оригиналом и переводом и в рамках этого пространства предполагается возможность более узкого или более широкого выбора конкретных языковых средств. Сравнительный анализ двух и более текстов перевода позволяет более полно раскрыть потенциальную интерпретативную многозначность оригинала, обозначить параметры обязательного для передачи условного семантического инварианта. Расхождения между переводными текстами в большинстве случаев имеют системный характер, помогающий анализатору раскрыть особенности подхода каждого переводчика к оригиналу.

Попытаемся сделать это на примере одного из самых известных рассказов Александра Грина «Акварель» и двух его переводов на болгарский язык, осуществленных Марией Грубешлиевой и Лиляной Минковой с дистанцией примерно в 20 лет (60-ые и 80-ые годы XX века). Склонность Грина давать странные «экзотические» имена своим героям порождает первую проблему — как передавать имена героев и других имен собственных. Лиляна Минкова трактует их как англоязычные и транскрибирует их по соответствующим установленным правилам: Клисън, Бетси, Уилсън, Гобсън, Смайлс, Снек, пароход «Денъм». У Грубешлиевой сохраняется более тесная связь с русским текстом: Клисон, Вилсон, Хобсон, «Деннем». Начало рассказа в двух переводах передано одинаково: Клиссон проснулся не в духе. — *Клисън се събуди в лошо настроение*. Но уже в следующем предложении намечаются некоторые различия, которые свидетельствуют об определенных константах в подходах к оригиналу: Вчера вечером Бетси жестоко упрекала его за то, что он сидит на ее шее, в то время как Вильсон поступил на речной пароход «Деннем». — *Снощи Бетси му се кара жестоко, че е виснал на врата и, а ето на, Уилсън се е наредил на речния параход «Денъм»*. (Л.Минкова) — *Вчера вечер Бетси гоупрекуваше жестоко, че е висн на шията и, а в това време Вилсон постъпил на парахода «Деннем»* (М. Грубешлиева). Явно проявляется тенденция к использованию однокоренных слов у второй переводчицы: *вчера вечер, упрекуваше, постъпил, в това време*. У Л. Минковой наблюдаем стремление к расширению семантического пространства оригинала при помощи: 1. Устойчивых выражений и слов с разговорной окраской: Охмелевшая женщина давала ему деньги довольно кротко. — Замаяна от алкохола, тя

мудаваше пари без много разправиш. (т.е. — без лишних разговоров и обсуждений); Вчера забыл **выпросить** у нее денег. — *Вчера забравида изкрънка пари* (изкрънка — выклянчить, у М. Гр. — забрави да **поиска** (забыл попросить). 2. Лексем с оценочным компонентом значения: Клиссон обдуманно потекал наклонности Бетси к выпивке. — *Клисън поощряваше слабостта и да си потийва*; Клиссон курил папироску и размышлял: каким образом получить крону? — *Клисън пушеше и **кроеше** как да **измъкне поне една крона***. (кроя — перен. задумывать что-то плохое, измъкна — утащить, вытянуть, *поне* — хотя бы). Показателен выбор слов в другом переводе: *насырчаваше* (поощрял) *склонността на Бетси към потийване, обмисляше* (обдумывал) *по какъв начин да получи една крона*. В тексте Л. Минковой прослеживается тенденция по возможности передавать содержание более сжато, используя лексемы с дифференцирующими элементами семантики: пустился бежать — *хукна* (пуститься вдруг, внезапно в бег) — *втурна се тичеешком* (у М. Грубешлиевой — бежать наперегонки, ворваться стремительно); Благоухали кусты, росшие под стеной дома. — *Храстите край къщата ухаеха*. (Л.М.) (*ухая* — излучать приятный аромат) — *Благоухаеха храстите под къщната стена* (М. Гр.). В случаях, в которых Грубешлиева проигнорировала разговорность и экспрессивность оригинала, особенно рельефно чувствуется разница в переводческих установках: — **Поди** выпей! — *Иди си пийни!* (частица *си* придает более интимный характер действию, диминутивный глагол означает «выпей немножко») — *Върви пий!* (иди пей — М. Гр.) Стратегия дополнительного насыщения диалога разговорными элементами Минковой основана в некоторой степени на реально выраженном намерении Грина вложить в речь спивающихся героев элементы из более низких стилистических регистров: — **Сбрендил ты, что ли?**; — **А все-таки мне больше дают стирки, чем этой потаскухе Ребен**. Усиление этого языкового потока в конечном счете придает переводимому тексту больше контрастности, чем она на самом деле в нем есть. Все-таки нарастание остроты конфликта между супругами Бетси и Клиссон в тексте Грина обозначено чаще авторской ремаркой: *поругались, огрызнулся, бранились, осыпали друг друга проклятиями*. Разговорность в прямой речи часто создается Грином только синтаксическими средствами — **Надела рубашку чужую; — Так ты мне не давал бы пить**. В переводе Л. Минковой дополнительное «оживление» диалога происходит несколькими путями: 1. Насыщение реплик частицами и междометиями: — Ты сама пьешь. — *Че ти си тиеш*. (А ты ведь и сама пьешь) (Л.М.) — *И ти самата тиеш* (М. Гр.); — Похоже, что это наш дом. — *Това май е нашатакъща* (Л.М. — *май* — как будто пожалуй, кажется) — *Прилича на нашатакъща* (М. Гр.); 2. Замена отдельных лексем более экспрессивными синонимами: — А будь я проклята, если дам. — *Да пукна, ако ти дам!* (Л. М.; *пукна* — умереть, сдохнуть) — *Проклета да съм, ако ти дам* (М.Г.); — Надела рубашку чужую, с кружевами, и хвасталась. — *Намъкнала чуждата дантелена риза и се фръцка* (Л. М. — *намъкнала* — напялила; *фръцка се* — крутится, вертится туда-сюда, чтобы

на нее обратили внимание; эффект здесь усиливается транспозитивным употреблением форм 3 лица, вместо второго, с оттенками пренебрежения и передразнивания) — *Облече чужда риза с тантели и се хвалеше* (М. Гр.; *облече* — одела). Вызывают интерес и разные подходы при переводе реплик с пропуском подразумеваемых из контекста слов. Правила эллипсиса в разговорной речи в болгарском и русском языках не всегда совпадают, что дает возможность для творчества при восстановлении пропущенных компонентов: «Не уйдешь, подлец!» — «*Няма да ми избягаши, подлецо!*» (Л.М.; не уйдешь от меня) — «*Няма да избягаши, подлецо!*» (М. Гр.); — Не ушел? Пойдем-ка поговорим. — *Не мога да избягаши, а? Я* ела да си *поприказваме!* (Л.М. — не смог убежать) — *Не избяга!* (не убежал) *Ела да си поприказваме* (М.Гр.); — Ответь: долго будет так? — *Отговаряй, докога?* (Л.М.; — *Отвечай, до каких пор?*) — *Отговаряй! Докога щевърви така?* (М.Гр.; — До каких пор будет так *идти (продолжаться)?*). Существенными представляются также различия двух переводов в передаче образной структуры текста. Мария Грубешлиева делает изменения метафоричной составляющей рассказа. В некоторых случаях она меняет акценты метафоры, в других — просто нейтрализует ее: 1. Веселое зеленое утро шевелило за рамой окна листья плюща. — *Веселото зелено утро люлееше бръшляна зад прозореца*. (Л.М.) — *Веселото зелено утро трептеше зад рамката на прозореца в листата на бръшляна* (М.Г.). У Грина утро шевелит (касаясь, трогая, приводит в легкое движение) листья плюща. У Л. Минковой утро раскачивает плющ за окном, а у М. Грубешлиевой видим более статичную картину — утро трепещет, вздрагивает в листьях плюща); 2. Вид черной юбки и клетчатого платка, приближающихся с неумолимой быстротой, расталкивая и обегая прохожих, вынудил его к бегству. — У М. Грубешлиевой метонимия стерта: Клиссон видит черную кофточку и клетчатый платок приближающейся Бетси, расталкивающей и обегаяющей прохожих; 3. Едва не загорелась драка. — *Едва не се сбиха* (едва не подрались) (У Л. Минковой — *За малко не избухна* (чуть не встыхнула) *кавга*). Подобные расхождения впечатляют еще больше при четко выявленном стремлении Грубешлиевой быть максимально близко к формальным показателям языковых средств Грина, вплоть до сохранения порядка слов оригинала.

Источником потенциальных различий в текстах оригинала и перевода и расхождений между самыми переводами является безэквивалентная лексика. Такая есть и в рассказе Грина «Акварель». Выбор разных способов передачи значения иноязычного слова отражен в некоторых решениях переводчиц: 1. подоконник — *перваз* (Л.М. — приблизительный перевод: выдающийся вперед край, ребро чего-л.), *прозоречна дъска* (М. Гр. — описательный перевод); 2. надо опохмелиться — *трябва да си тийне за изтрезняване* (Л. М.); *за да изтрезне е трябва пак да тийне* (М. Гр.), сравнение со словарной дефиницией в «Словаре русского языка» (1984) показывает, что очень многое из содержания данного понятия останется скрытым для болгарского читателя: «выпить спиртного, чтобы избавиться от недомогания, слабости, вызванных значительным употреблением спиртных

напитков накануне»; 3. Крыльцо — пруст (Л.М. — открытая спереди или сбоку часть дома, через которую можно войти в комнату; праг (М. Гр.) (порог) — использованы функциональные заместители, не дающие полную информацию о реалии, обозначающей пристройку перед входом в дом, состоящую из площадки и лестницы, иногда с навесом. Сложно сказать, чем вызван выбор некоторых лексических переводческих эквивалентов, удаляющих текст М. Грубешлиевой от оригинала: напр. слово потаскуха, высказанное Бетси в адрес соседки Ребен — *повлекана* (неряха, неопрятная женщина). Наверное, переводчице такое слово в устах женщины показалось слишком грубым (у Л. Минковой находим более точное соответствие *продажница* — продажная женщина). В другом случае, скорее всего, переводчицу подвел «ложный друг» — кирпичный дом, стена кирпичного дома — *кирпичена къща, стена на кирпичена къща* (У Л. Минковой — *къща* (дом) и *туклена* (*тукла* — кирпич) *стена на къща*). Лексема *кирпич* в болгарском языке имеет более специализированное значение — необожженный кирпич, сделанный чаще всего из земли. В данном случае Грин обозначает материал, для того, чтобы показать, что его герои имеют возможность на свои средства снимать именно такой дом. Неточно переведено также словосочетание поворот за угол — *завоят към въглищата* (*въглища* — уголь). У Л. Минковой находим *ъгъл* — точное соответствие русской лексемы *угол*.

Общим решением в болгарских переводах является периодическая замена деепричастий в сложносоставных предложениях. Здесь отклонения от оригинала имеют системный характер и связаны с различиями в частоте употребления деепричастий в русском и болгарском языках. Особо ощутимо это именно в художественных текстах, поэтому переводчики стараются прибегать к функциональным эквивалентам — заменителям. При общем наборе средств, конкретные индивидуальные решения часто формально отличаются: 1. зевая, стала накрывать: прозявайки се (деепр.), *започна да слага* (Л.М.) — *С прозявка* (предлог + имя существ.) *започна да нарежда* (М.Г.); 2. Смотря, представлял: загледан (причастие прош. времени страд. залога) *си представяше* (Л. М.) — *като гледаше* (союз *като* + личная форма глагола), *си представи* (М.Г.); 3. приехав... полюбовался... и направился: пристигнал (причастие прошедшего времени действительного залога)... *се порадва и се отпрати* (Л.М.) — *пристигна* (личная форма глагола), *порадва се и тръгна* (М.Г.); 4. Прошли мимо картины, искоса взглянув, и вышли, удивляясь, что направляются: *минаха, погледнаха я* (личная форма) *и излязоха учудени че отиват...* (именная часть сказуемого в виде причастия прошедшего времени страдательного залога) (Л. М.) — *Минаха още веднъж край картината.* (выделение в отдельное предложение) *Погледнаха я* (личная форма) *косо и излязоха на улицата, учудени* (причастие прош.вр. стр.залога) *че тръгват...* (М.Г.); 5. Стали молча пить чай: Мълчаливо (наречие обстоятельства способа действия) (*седнаха* Л.М.) / *почнаха* (М.Г.) *да пият чай.*

Проведенный нами анализ расхождений в двух вариантах перевода на болгарский язык рассказа «Акварель» подтверждает гипотезу о неслучайном характере несовпадений. Мария Грубешлиева стремилась быть максимально ближе к формальной структуре оригинала. В то же время переводчица нивелирует образную метафорическую составляющую текста, возможно, потому что сама является писателем и такой подход не стыкуется с ее творческими принципами. Лиляна Минкова относится более свободно к оригиналу и развивает некоторые заложенные в нем тенденции — усилено разговорное начало, выбираются лексемы с дополнительными оценочными и экспрессивными компонентами семантики, заметно стремление к сохранению и обогащению образной структуры текста.